

* * *

Я готов прилететь на попутных ветрах
без оформленных виз, безо всяких обид,
чтобы вспомнить язык твоих стынущих трав,
что людьми бесконечно давно позабыт.

Мне увидеть бы снова расплыв голубой
твоих рек – им извилисто выпало течь.
Я готов быть с тобой. Навсегда быть с тобой,
и другие дела не сумеют отвлечь.

И себя укорять я все время готов,
что в своей одинокой норе невпопад
вспоминал я глаза запоздалых цветов,
их доверчивый, их недосказанный взгляд.

Я исправлю свою непростую судьбу,
ты прости, что пришлось временить до поры.
И хоть нет уже сил, я вернусь. Догребу.
Доползу до леска у мухортой горы.

До твоих облаков, что глядят с высоты.
До ручья, что поёт, как пастушья свирель.
До цветов – я увижу опять те цветы,
что так долго молчали о тайне своей.

* * *

«Сидай!» – старик прошамкал, как мирозданье древний.
Последняя лошадка везёт меня в деревню.
Хвостом уныло машет, глаза её гноятся,
а звать лошадку – Маша, и ей давно за двадцать.
А я веду настырно неспешную беседу,
но мне, ей-богу, стыдно, что я послушал деда.

Я уважаю старших, я им пока обуза.
Тяжеловато Маше тащить такие грузы.

Я знаю – это было ужасною стыдобой:
ту пегую кобылу на пенсию давно бы.
А эта Маша пашет – откуда только силы?
Прощай, старушка Маша, за всё тебе спасибо.

* * *

Вернуться – равносильно исцелиться,
вернуться – это высшая награда.
Войду без стука. Скрипну половицей –
и больше ничего уже не надо.

Пусть этот дом не будет чашей полной:
хрущёвка. Сыро. Нет воды горячей...
Но я таким его навек запомнил,
и для меня так много это значит.

Пусть он живёт, довольствуется малым,
пусть я не заслужил его прощенья,
я, как моряк перед девятым валом,
не подготовлен к кораблекрушенью.

* * *

Мазанки и птичники, тары-растабары,
крыши черепичные, шумные базары.
Но теперь за мальвами не растёт горошек.
Этот город маленький навсегда заброшен.

Был других покруче он в разном интерьере.
Приговор озвучили: к самой высшей мере!
Всё, увы, в натуре ведь – он не мог остаться:
поднимают уровень малых гидростанций.

Неуместны кипежи, – впарили народу.
Вслед за древним Китежем он уйдёт под воду.
Нет протеста вроде бы, дремлет город старый...

Как нам наша родина ненавистой стала!

* * *

Воскресенье – самый чёрный,
самый долгий день недели,
потому что вновь с печалью
ты своей наедине.
Ты вздыхаешь обречённо,
хоть терпенье на пределе,
наливаешь чашку чая –
и всё это, как во сне.

Дверь заклинило от снега,
завалило двор по пояс,
 облака – как оригами,
 птичий не слышать галдёж...
Здесь, на станции Онега,
ждешь давно ты скорый поезд –
 занесло его снегами,
 только ты, как прежде, ждёшь.

И когда лежишь на койке,
когда ждёшь безликих буден,
 когда кот глядит с укором –
 молока желает зверь, –
не считай на пальцах, сколько
было бед и сколько будет,
 верь, что скоро, очень скоро
 и к тебе придёт апрель.

* * *

Вот опять чем-то давешним дунуло,
что забыть не смогу никогда я...
Плоский берег, усеянный дюнами,
и луна, как и ты, молодая.

Здесь, где капало лунное олово,
разъедая тревогу, как щёлок,
каруселило глупую голову
ощущенье чего-то большого.

Мы с тобой тогда в лучшее верили
у судьбы на последнем изгибе,
и неважно, что в воздухе веяло –
то ли счастье, а то ли погибель.

* * *

Дворником в доме ёрзал
ветер метлою штор,
и ты шептала звёздам –
только не помню что.

Годы внесли пробелы
в память, в душе – раздрай...
Но тогда сердце пело,
как воробьиный май.

Время нас только старит...
Где же тот свет, тот вспых,
где же то счастье в карих,
грешных глазах твоих?

Зря я надеждой тешусь:
не обрести права,
чтобы услышать те же
солнечные слова.

* * *

– Ты вернешься?
– Я лишь на три дня.
То, что мнится, – это лабуда...
Но она не дождалась меня,
да и не дождетя никогда.

Был я словно ветром унесён
за границы призрачных держав.
Извини, что это был лишь сон,
извини, я слова не сдержал.

Я по льду скользил – он, как фарфор,
он глазурью абрис твой облил.
Принимал он много разных форм,
но остался призраком любви.

И сегодня вновь в прожилках лёд,
и такой же кучерявый дым,
и январь вновь делает облёт
по владеньям голубым своим.

Я плохой, наверное, рыбак:
я ловил удачу много дней,
но так долго стынет на губах
поцелуй, что снега холодней.